

Михайлов Сергей Александрович*, старший научный сотрудник отдела евроатлантических исследований РИСИ.

Изменения в подходах США к Европейской политике в сфере безопасности и обороны

В 2009 г. политические круги Европы отмечали 10-летие начала развития в рамках европейской интеграции институционального процесса "Европейская политика в сфере безопасности и обороны" (ЕПБО)¹. Формальное начало этому процессу было положено 3–4 июня 1999 г., когда в ходе встречи на высшем уровне стран – членов Евросоюза в Кёльне была принята "Декларация Европейского совета об усилении общей европейской политики в сфере безопасности и обороны"². Тенденции к формированию единой военно-политической линии и единого механизма реагирования на возникающие кризисные ситуации в мире, касающиеся интересов Евросоюза, у стран ЕС отмечались и ранее, однако именно кёльнский саммит оформил появление такого процесса как института, документально зафиксировав его автономность от НАТО.

Результатом встречи в Кёльне стало закрепление в официальном лексиконе самого понятия "европейская политика в сфере безопасности и обороны" вместо ранее шире применявшегося понятия "европейская идентичность в сфере обороны и безопасности" (ЕИБО). В практическом смысле разница между ЕИБО и ЕПБО состояла преимущественно в том, что первая рассматривалась как региональный интеграционный проект НАТО, как "европейская опора" в рамках альянса, а вторая уже изначально задумывалась как мероприятие Евросоюза. Хотя оба эти понятия использовались и ранее, в том числе в документах Вашингтонского саммита НАТО 1999 г., именно после кёльской встречи понятие ЕПБО стало прочно ассоциироваться с европейскими интеграционными проектами, автономными *не в рамках* НАТО, а *от* НАТО. В то же время термин ЕИБО в декларации по итогам Кёльского саммита вообще не применялся.

В 2003 г. развитие ЕПБО и восприятие этого процесса Соединёнными Штатами привели к резкому обострению трансатлантических отношений,

*mikhailov@riss.ru.

¹ См. об этом: *Grevi G. et al., eds. European Security and Defence Policy: The First Ten Years (1999–2009) / European Union Institute for Security Studies. Paris : EUISS, 2009.*

² Declaration of the European Council on Strengthening the Common European Policy on Security and Defence. European Council, Cologne, 3–4 June, 1999 / From St. Malo to Nice. European Defence: Core Documents // Chaillot Papers 47. 2001. P. 41–45.

возникшему на фоне несогласия ряда европейских государств с политикой США в связи с войной в Ираке. Символом этого обострения стало выступление тогдашнего представителя США в альянсе Н. Бернса на заседании Совета НАТО осенью 2003 г., где он заявил, что развитие ЕПБО представляет собой "самую существенную угрозу для будущего НАТО"³. Однако со временем остроту разногласий между США и европейскими странами – основными инициаторами ЕПБО – удалось в целом снять, хотя сами эти разногласия окончательно не исчезли⁴.

Прежде всего, они заключались в том, что многие представители Соединённых Штатов подозревали, что, развивая ЕПБО, европейские страны стремятся оспорить роль НАТО как главенствующего военно-политического института на евроатлантическом пространстве и, тем самым, подорвать основу политического влияния США в Европе. Такой подход был весьма распространён в период правления обеих администраций Дж. Буша⁵. Например, в 2006 г. такая позиция Вашингтона даже привела к ситуации, когда между структурами НАТО и ЕПБО началось некое подобие конкуренции по вопросу обеспечения миротворческих операций Африканского союза в суданской провинции Дарфур. В результате, несмотря на наличие формальных механизмов взаимодействия НАТО и ЕПБО, эти две организации создали собственные параллельные структуры авиатранспортной поддержки подразделений Африканского союза, возложив на последний ответственность за координацию их работы⁶.

При этом многие в США скептически воспринимали сам факт проведения Евросоюзом автономных военных операций в кризисных точках мира, которые тот начал осуществлять с 2003 г. Причём это касалось даже таких операций, где не затрагивались ни ресурсы, находившиеся в оперативном управлении НАТО, ни существенные американские интересы. В качестве примера можно привести операцию ЕС в Демократической Республике Конго в июне-сентябре 2003 г.⁷

В середине текущего десятилетия одним из следствий неблагоприятной психологической атмосферы в трансатлантических отношениях вокруг ЕПБО стали трения, связанные с позицией Турции по вопросу о её военно-политическом взаимодействии с Евросоюзом, которые напрямую влияли на отношения ЕС и НАТО. Анкара в ответ на присоединение Кипра к ЕС в 2004 г. потребовала, чтобы из диалога между НАТО и ЕС по военно-политическим вопросам (на уровне главных военно-политических органов – Совета НАТО и Комитета по вопросам политики и безопасности ЕС) были исключены те страны Евросоюза, которые не являлись членами НАТО и натовской программы "Партнёрство ради мира" (ПРМ). Из всех стран ЕС под этот запрет попадали лишь Мальта и Кипр. При

³ См., например: *Meiers F.-J.* Tervuren – A Tempest in a Teapot // AICGS Advisor / American Institute for Contemporary German Studies. 2003. URL: <http://www.aicgs.org/analysis/c/meiersc.aspx>.

⁴ Подробнее об этом см.: *Михайлов С. А.* США и общеевропейская политика в сфере безопасности и обороны. М.: РИСИ, 2005.

⁵ *Burwell F. G. et al.* Transatlantic Transformation: Building a NATO – EU Security Architecture / Atlantic Council of the United States. 2006. March. P. 21.

⁶ *Ibid.* P. 14.

⁷ *Grevi G. et al.* Op. cit. P. 130–131.

этом против присоединения последнего к ПРМ возражал единственный член НАТО – Турция. Евросоюз, со своей стороны, также заняв принципиальную позицию, настаивал, что в военно-политическом диалоге с НАТО должны участвовать все страны ЕС. В результате формальное двустороннее обсуждение двумя институтами вопросов участия в диалоге по военно-политическим вопросам ограничилось лишь проблемами Боснии, где при поддержке НАТО миссия ЕПБО начала свою деятельность ещё в рамках предыдущей натовской структуры (SFOR), т.е. до вступления Кипра в ЕС и возникновения всей этой ситуации⁸. По этим же причинам формально ограничен и обмен секретной информацией между НАТО и ЕПБО, причём это касается, например, и Афганистана⁹. Положение выглядит тем более парадоксальным, что на текущий момент лишь 21 европейское государство является одновременно членом и НАТО, и ЕС.

Разумеется, США не имеют прямого отношения ни к проблемам кипрского урегулирования, ни к сложному взаимодействию Турции и ЕС. Однако Вашингтон не предпринял никаких попыток повлиять на турецкую позицию, чтобы разблокировать диалог между НАТО и ЕПБО. Таким образом, формальное взаимодействие этих двух институтов в этом вопросе по странному стечению обстоятельств международной политики остаётся заложником кипрской проблемы и (в какой-то степени) стремления Турции стать членом ЕС. Можно лишь предположить, что если бы США сочли полезным подключить ЕПБО к институциональному сотрудничеству с НАТО, то они ещё в 2004 г. постарались бы устранить это неуместное препятствие.

Со своей стороны, ЕПБО в середине 2000-х гг. также не смогла продемонстрировать особо примечательных успехов на международной арене. Был предпринят целый ряд операций, но они были весьма скромными по масштабам, особенно в сравнении с натовскими, и направлены скорее на поддержание порядка и решение вопросов гражданского администрирования в кризисных точках¹⁰. Можно резюмировать, что операции ЕПБО представляли и продолжают представлять собой по большей части нечто среднее между операциями ООН и НАТО, причём основная их часть задачами и характером реализации гораздо больше похожа на первые, чем на вторые.

Эту точку зрения разделяют и американские эксперты. Так, Д. Армитадж, сотрудник отдела анализа Европы, действующего в рамках Бюро по делам разведки и исследований Госдепартамента США, отмечал в 2009 г.: "По мере того, как ЕПБО воплощалась на практике, направленность её операций сместилась с первоначального акцента на военное измерение и оборону в пользу более мягкого миротворчества в стиле ООН. Гражданские миссии составляют основную часть операций ЕПБО, хотя

⁸ Archick K., Gallis P. NATO and the European Union // Congressional Research Service. Report RL32342. Washington, D.C., 2008. January 29. P. 17; Burwell F. G. et al. Op. cit. P. 25.

⁹ В этой стране с 2007 г. действует полицейская миссия Евросоюза (см.: Morelli V., Belkin P. NATO in Afghanistan: A Test of the Transatlantic Alliance // Congressional Research Service. Report RL 33627. Washington, D.C., 2009. December 3. P. 30.

¹⁰ Подробнее об операциях ЕПБО см.: Grevi G. et al. Op. cit. P. 159–416.

в качестве первоначальной цели отчётливо было заявлено развитие и увеличение европейских *военных* [Выд. авт.] возможностей"¹¹.

Однако и в этих небольших по масштабу операциях страны ЕС не всегда были способны использовать институциональные возможности ЕПБО. В частности, в ответ на обострение внутривосточной обстановки в Ливане в 2006 г. европейцы предпочли отправить войска ряда стран ЕС в эту страну под эгидой ООН, а не начинать собственную операцию¹².

В 2004 г. в рамках ЕПБО началась работа по формированию так называемых "боевых групп" – военных структур ЕС, к которым на постоянной основе приписаны те или иные воинские подразделения стран – членов ЕПБО¹³. В случае необходимости такая боевая группа численностью до 1,5 тыс. военнослужащих должна собрать приписанные к ней подразделения и начать действовать в рамках той или иной операции Евросоюза¹⁴.

В 2007 г. было объявлено, что эти боевые группы достигли состояния боеготовности. Однако в действительности на текущий момент они так и не нашли применения ни в одной из операций ЕС. Можно предполагать, что либо готовность этих структур всё ещё недостаточна, либо сама эта концепция по каким-либо причинам показала свою непригодность к практическому применению¹⁵.

Схожая ситуация сложилась и вокруг другого проекта в рамках ЕПБО. Осенью 2004 г. несколько стран ЕС подписали декларацию о намерении сформировать Европейскую жандармерию – коллективные силы военной полиции, предназначенные для стабилизации кризисных ситуаций за пределами Евросоюза. Общая численность этих сил – 800 военнослужащих и 2,3 тыс. резервистов. Они могут быть развёрнуты в точке применения в течение 30 суток. В 2006 г. было объявлено, что силы Европейской жандармерии достигли уровня оперативной готовности, однако с тех пор каких-либо сведений об их использовании так и не появилось¹⁶.

В результате прежние американские опасения, что развитие ЕПБО приведёт к подрыву позиций НАТО как главного военно-политического союза трансатлантического сообщества, довольно быстро рассеялись. ЕПБО оказалась не способна предпринять шаги, которые

¹¹ Armitage D. Soft Power in Hard Times: An American Perspective of ESDP After a Decade (Paper presented at the European Union Studies Association Conference, 23–26 April, 2009, Los Angeles, CA). URL: http://www.unc.edu/euce/eusa2009/papers/armitage_10J.pdf.

¹² SIPRI Yearbook 2007. Oxford, 2007. P. 37.

¹³ В ЕПБО входят все страны ЕС за исключением Дании. С другой стороны, о желании участвовать в создании боевых групп заявила Норвегия, которая, как известно, не является членом Евросоюза.

¹⁴ Подробнее об этом см.: Lindstrom G. Enter the EU Battlegroups // Chaillot Papers 97. 2007. February.

¹⁵ Menon A. Empowering Paradise? The ESDP at Ten // International Affairs. 2009. № 2. P. 227–246.

¹⁶ Armitage D. Op. cit. P. 12 (подробнее о проекте создания Европейской жандармерии см.: Armitage D., Moisan A. Constabulary Forces and Postconflict Transition: The Euro-Atlantic Dimension // Strategic Forum 218 / National Defense University; Institute for National Strategic Studies. Washington, November 2005).

могли бы поставить под сомнение исключительные военные возможности Североатлантического альянса. В этом контексте Д. Армитадж отмечает: "Американские официальные лица, опасавшиеся, что ЕПБО каким-либо образом будет конкурировать с НАТО, успокоились, так как становилось слишком очевидно, что ЕПБО и близко не соответствовала американским военным возможностям. С другой стороны, если европейские военные направляли свои усилия на миротворчество, то в любой ситуации, где требовались существенные военные возможности или способность вести боевые действия, инициатива переходила к американцам (или к небольшим коалициям государств)"¹⁷.

Тем временем операции в Ираке и Афганистане поглощали всё больше военных, политических и экономических ресурсов США, не оставляя Вашингтону возможностей для применения военно-политических рычагов на других внешнеполитических направлениях. В этих условиях опасения по поводу конкуренции со стороны европейских структур в отношении НАТО всё более теряли смысл. Как отмечает Д. Армитадж, "американцы сконцентрировались на Ираке и Афганистане и были в какой-то степени удовлетворены тем, что ЕС преследовал свои цели в Африке южнее Сахары, в небольших операциях в различных конфликтных приграничных районах и на палестинских территориях, а также продолжал обеспечивать безопасность на Балканах".

Существенные изменения в эту трансатлантическую ситуацию привнёс приход к власти во Франции в мае 2007 г. президента Н. Саркози. Став президентом, он практически сразу поставил вопрос о необходимости возвращения Франции к участию в деятельности объединённых командных структур НАТО, из которых она вышла ещё в 1966 г. по инициативе Ш. де Голля.

В сентябре 2007 г. Саркози обнародовал два главных условия возвращения Франции в командные структуры НАТО: согласие США на развитие независимых европейских оборонных возможностей и усиление роли Франции в работе командных структур блока "на высшем уровне". Как отметил Саркози, "я бы хотел сделать прогресс в вопросе европейской обороны условием для вхождения в объединённое командование, и я прошу наших американских друзей с пониманием отнестись к этому"¹⁸.

В ноябре 2007 г. Саркози выступил с речью перед обеими палатами конгресса США, в которой развёрнуто изложил свой подход к вопросу о развитии европейской обороны и об участии Франции в деятельности НАТО: "Мой подход является сугубо прагматическим. Учитывая уроки истории, я хочу, чтобы европейцы в предстоящие годы взяли бы на себя большую ответственность за свою оборону... Все наши союзники, начиная с Соединённых Штатов, с которыми мы наиболее часто разделяем общие интересы и сталкиваемся с общими противниками, стратегически заинтересованы в существовании Европы, которая может подтвердить свой статус как сильный, надёжный партнёр в сфере безопасности. В то же время я бы хотел подчеркнуть мою приверженность НАТО. Я заявляю

¹⁷ Armitage D. Op. cit. P. 9.

¹⁸ Sciolino E., Smale A. Sarkozy, A Frenchman In A Hurry, Maps His Path // The New York Times. 2007. September 24.

здесь, перед лицом конгресса: чем более успешными мы будем в вопросе создания европейской обороны, тем более решительно Франция будет настроена на возвращение себе полномасштабной роли в НАТО"¹⁹.

Эти заявления Саркози служили информационным фоном для соответствующих переговоров военных и дипломатов. Со своей стороны, США на публичном уровне продемонстрировали поддержку инициативы французского президента. Некоторые выступления представителей США по своему тону решительно отличались от речей американских дипломатов начала – середины 2000-х гг.

Например, 25 февраля 2008 г. посол Соединённых Штатов при НАТО В. Нюланд выступила в Лондоне с речью, в которой коснулась взаимоотношений США и их европейских союзников. Она назвала многочисленные мировые проблемы, с которыми приходилось иметь дело Вашингтону, и отметила, что, ища партнёров для решения этих проблем, американские представители часто обращаются в первую очередь к Евросоюзу. "Мы всегда будем консультироваться на ранних стадиях с Лондоном и другими столицами государств – членом ЕС, но мы также всё больше обращаемся и к общеевропейским институтам". Далее американский посол перечислила успехи ЕС, которых, по её мнению, он достиг в ходе осуществления своих операций за рубежом, прежде всего в сфере "мягкой" безопасности. Однако, по её словам, если "способность ЕС для совместных действий в области "мягкой силы" укрепились, наша общая трансатлантическая готовность к использованию "жёсткой силы" [*т.е. военной.* – Прим. авт.] объективно ослабла".

Далее В. Нюланд выступила с призывом, который можно было бы назвать беспрецедентным признанием ослабления американских гегемонистских возможностей, выявившегося в ходе азиатских военных кампаний: "Моя родная организация, НАТО, усваивает уроки Афганистана. Поэтому я здесь, в Лондоне, хочу сказать, что Соединённые Штаты нуждаются, Великобритания нуждается, НАТО нуждается, демократический мир нуждается в более сильной, более дееспособной европейской оборонной структуре. ЕПБО, обладающая лишь "мягкой силой", не является достаточной". По её словам, ЕПБО по инициативе британского правительства должна сконцентрироваться на увеличении финансирования в таких сферах, как вертолёт, беспилотные летательные аппараты, спецназ, средства связи и т.п. Главный мотив поддержки этих усилий со стороны США заключался в том, что "американские и британские солдаты и гражданские служащие не могут далее нести столь существенную часть глобальной ответственности без более значительной помощи со стороны наших союзников и наших друзей".

Наконец, отвечая по сути на изложенные выше инициативы президента Франции Н. Саркози, В. Нюланд заявила: "Нам нужен более сильный ЕС, нам нужна более сильная НАТО, и если Афганистан чему-либо нас научил, нам нужны крепкие отношения между ними". Она также произнесла примечательную фразу о том, что "Европе необходимо пространство

¹⁹ *Sarkozy N. Renewing the French-American Alliance // Real Clear Politics. 2007. November 7. URL: http://www.realclearpolitics.com/articles/2007/11/the_french_american_alliance_is.html.*

для самостоятельных действий, а нам нужна Европа, которая способна и намерена действовать соответствующим образом [*т.е. самостоятельно. – Прим. авт.*], защищая наши общие интересы и ценности... Нам следует научиться планировать, тренироваться и действовать вместе, в то же время сохраняя автономию каждого института. Это касается не только действий в Афганистане и Косове... это касается эффективных совместных действий в любой точке, куда нас могут призвать для поддержания безопасности и развития"²⁰.

Согласно некоторым свидетельствам, президент США Дж. Буш в ходе своего выступления перед лидерами стран НАТО в апреле 2008 г. на саммите в Бухаресте высказал позицию, весьма схожую с тезисами В. Нюланд²¹.

Заявления В. Нюланд можно охарактеризовать как предложение новых условий для компромисса с европейскими странами – инициаторами развития ЕПБО, прежде всего с Францией. Суть этих условий заключалась в готовности Вашингтона пойти на существенные уступки в вопросе об автономии ЕС в военно-политической сфере, если эта самостоятельность будет использована для помощи США в её военных усилиях в Афганистане и других регионах мира. Если ранее Вашингтон главным образом заботился о том, чтобы европейские проекты не принизили исключительной роли НАТО, то теперь устами американского представителя при альянсе он заявлял о согласии предоставить ЕС "пространство для самостоятельных действий" в военно-политической сфере и даже о желательности того, чтобы ЕПБО стала классической военно-политической организацией, способной полномасштабно использовать военную силу.

При этом В. Нюланд сделала интересное замечание: по её словам, усиление военных возможностей ЕПБО должно происходить именно по британской инициативе. Такой пассаж отчасти можно было бы объяснить желанием польстить британскому руководству (поскольку речь прозвучала именно в Британии). Но, как представляется, более существенной причиной в данном случае было намерение американской представительницы подчеркнуть, что США решили выразить доверие перспективам военно-политического развития ЕПБО, именно поддержав позицию Лондона.

Великобритания в течение многих лет старалась заявить о себе как о надёжном проводнике и защитнике американских интересов в европейской военно-политической сфере (до какой степени такая позиция была искренней – вопрос другой). Последним подтверждением этому были события 2003 г., когда Лондон и Вашингтон активно противодействовали попыткам Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга добиться для ЕПБО большей самостоятельности от НАТО.

²⁰ Ambassador Victoria Nuland: United States Permanent Representative to the North Atlantic Treaty Organization (NATO). Speech at the London School of Economics, London, United Kingdom, February 25, 2008 // United State Mission to NATO. URL: http://www.nato.usmission.gov/ambassador/2008/Amb_Nuland_022508.htm.

²¹ Michel L. Getting to Oui: France's Return to NATO Can Complement EU Security // Spiegel online. 2008. June 12. URL: <http://www.spiegel.de/international/0,1518,559304,00.html>; France's Normalization with NATO. France-NATO Panel // Atlantic Council of the United States. 2009. June 30. URL: <http://www.acus.org/event/frances-normalization-nato/transcript>.

По всей видимости, В. Нюланд своим замечанием хотела донести до сведения европейских лидеров, что одобрение США инициатив по укреплению потенциала ЕПБО основывалось помимо прочего на уверенности, что благодаря Великобритании они не приобретут автономной от альянса направленности.

Летом 2008 г. в СМИ появилась информация о том, в каких направлениях Н. Саркози полагал целесообразным развивать ЕПБО. Свои предложения он направил руководителям стран ЕС. Среди них были: создание постоянного штаба по планированию военных операций Евросоюза; общее финансирование этих операций Евросоюзом (а не отдельными странами); формирование общеевропейских подразделений военно-транспортной авиации и группировки военных спутников; создание европейского оборонного колледжа, а также развитие программ обмена для офицеров стран ЕС²².

Предложение о создании постоянного европейского штаба имело особую историческую подоплёку. За несколько лет до этого, в 2003 г., кризис в отношениях между странами – активными участниками ЕПБО, с одной стороны²³, и США – с другой²⁴, возник именно вокруг инициативы европейцев по созданию совершенно такой же штабной структуры²⁵.

К лету 2008 г. отношение США к этим инициативам существенно изменилось, во всяком случае, американское руководство стремилось создать такое впечатление. Как отмечала британская газета "Гардиан", в тот момент "Вашингтон на непубличном уровне оказывал давление на правительство Г. Брауна [*в то время занимавшего пост премьер-министра Великобритании.* – Прим. авт.], чтобы оно достигло соглашения с Парижем". Газета приводила также высказывание высокопоставленного сотрудника Министерства обороны Франции об отношении Соединённых Штатов и Великобритании к предложениям Н. Саркози: "США положительно настроены. Но сейчас ключом к позитивному решению является Великобритания"²⁶.

Из-за недостатка информации о деталях указанного переговорного процесса трудно судить, действительно ли проблема с принятием французских предложений по ЕПБО заключалась только в скептическом отношении к ним Лондона. Возможно, эта ситуация была отражением на практике "особых отношений" между США и Великобританией, что в данном случае выразилось в довольно простом распределении дипломатических ролей: Вашингтон демонстрировал готовность пойти навстречу Н. Саркози, а Лондон проявил в этих вопросах неожиданную независимость от мнения американских партнёров.

С другой стороны, в случае с ЕПБО позиция Лондона была важна не только из-за того, что Великобритания являлась наиболее близкой союзницей американцев в НАТО и ЕС. Дело ещё и в том, что она была

²² Traynor I., Wintour P. European HQ Heads Sarkozy Plan for Greater Military Integration // The Guardian. 2008. June 7.

²³ В тот момент в их число входили Франция, Германия, Бельгия и Люксембург.

²⁴ Именно тогда американский представитель при НАТО Н. Бернс и произнёс упомянутую выше броскую фразу.

²⁵ Подробнее об этом см.: Михайлов С. А. Указ. соч.

²⁶ Traynor I., Wintour P. Op. cit.

единственной страной Евросоюза, за исключением Франции, которая обладает средствами, структурами и опытными командными кадрами, необходимыми для осуществления операций Евросоюза за пределами его территории, причём именно операций с высокой долей военного компонента. Все остальные страны, включая Германию, по разным причинам способны играть лишь вспомогательные роли. Поэтому британская позиция в вопросах развития ЕПБО является критически важной для перспектив этого европейского проекта независимо от контекста отношений в "треугольнике" Великобритания – США – Евросоюз.

К октябрю 2008 г. Парижу и Лондону, судя по всему, удалось достичь компромисса. Дж. Хаттон, незадолго до этого занявший пост министра обороны Великобритании, заявил о поддержке предложений Н. Саркози: "Франция является одним из наших ближайших союзников в военном смысле. Французы убеждены в важности европейских военных структур. Если мы можем поддержать их в этом, то должны это сделать"²⁷.

Каких-либо деталей этого компромисса обнародовано не было. Скорее всего, причиной было не стремление скрыть информацию, а понимание того обстоятельства, что какие-либо существенные шаги в направлении дальнейшего развития ЕПБО можно будет предпринять лишь после одобрения и вступления в силу нового общеевропейского конституционного законодательного акта, получившего название Лиссабонский договор. Незадолго до заявления британского министра обороны, 12 июня 2008 г., перспективы ратификации этого договора европейцами были поставлены под серьёзное сомнение, после того как в Ирландии референдум о вступлении договора в силу закончился провалом. Однако было очевидно, что европейские лидеры намерены добиться вступления этого документа в силу, что в итоге и произошло 1 декабря 2009 г. после повторного референдума в Ирландии. Но осенью 2008 г. публичное обсуждение деталей развития ЕПБО было бы преждевременным, поскольку, в частности, могло ещё больше настроить ирландцев против Лиссабонского договора (Ирландия, как известно, является нейтральной страной).

Характер трансатлантических переговоров по взаимосвязанным вопросам возвращения Франции в интегрированную командную структуру НАТО, с одной стороны, и согласия Соединённых Штатов на развитие структур ЕПБО – с другой, прокомментировал американский аналитик Д. Уилсон, который в период с декабря 2007 г. по январь 2009 г. занимал пост старшего директора по европейским делам в Совете по национальной безопасности США. По его словам, "это был закулисный, если хотите, очень хорошо срежиссированный танец между Вашингтоном и Парижем в течение пары лет, и особенно между Елисейским дворцом и Белым домом, где особенно чётко осознали, что нашей проблемой является не слишком сильная Европа, бросающая вызов, а, напротив, Европа слишком слабая для роли партнёра"²⁸.

²⁷ Цит. по: *Oakeshott I. John Hutton Backs European Army // The Sunday Times. 2008. October 26.*

²⁸ *France's Normalization with NATO. France-NATO Panel // Atlantic Council of the United States. 2009. June 30. URL: <http://www.acus.org/event/frances-normalization-nato/transcript>.*

Упоминание Д. Уилсоном резиденций глав обоих государств должно было подчеркнуть, что решения по данному кругу вопросов принимались на высшем государственном уровне, а роль внешнеполитических ведомств была в основном технической.

Нельзя сказать, что в американских аналитических кругах инициативы Франции были восприняты с единодушным оптимизмом. Несмотря на то, что, как мы видели, предложения Н. Саркози нашли благоприятный отклик в республиканской администрации, представители наиболее консервативного сегмента американского политического класса выступили против нового компромисса по вопросам взаимодействия НАТО и ЕПБО. Возможно, в наиболее чёткой и развёрнутой форме эту позицию выразили сотрудники известного исследовательского учреждения "Фонд Наследие". Данному вопросу они посвятили аналитическую записку, озаглавленную "США и Великобритания обязаны воспрепятствовать французским планам ослабления НАТО".

В документе излагались аргументы против "сделки" американского руководства с Францией по указанным вопросам: "Если администрация Обамы согласится поддержать независимую оборонную структуру ЕС в качестве составной части французского плана по возвращению в Объединённое командование НАТО, такая поддержка будет означать решительное изменение американского стратегического подхода, которое имело бы драматические, отрицательные последствия для будущего альянса. Оно сместит политический баланс сил в рамках НАТО от Вашингтона и Лондона в пользу главных центров силы в рамках Евросоюза: Парижа, Берлина и Брюсселя. Так и не добившись от европейских стран увеличения расходов на оборону, оно спровоцирует ещё большую психологическую зависимость континентальной Европы от ресурсов НАТО. Такое изменение приведёт также к дублированию командных структур НАТО [*аналогичными структурами ЕС*. – Прим. авт.], в то же время не удвоив ни сил, ни средств", находящихся в распоряжении евроатлантического сообщества²⁹.

Однако в сложившейся ситуации эта аргументация не могла найти широкой поддержки в американских политических кругах. Как мы видели, уже администрация Буша, которая в начале 2000-х гг. выступала жёстким оппонентом европейских оборонных планов, ближе к концу десятилетия довольно охотно пошла навстречу новым инициативам в данной сфере, как только они были высказаны. В этом контексте трудно было ожидать от демократической администрации Б. Обамы, пришедшей к власти 20 января 2009 г., что она решит воспрепятствовать воплощению уже достигнутых с Францией договорённостей, особенно учитывая сложившийся образ нового руководства Белого дома как настроенного на максимальное сотрудничество с Европой.

Преемственность политики обеих администраций в этом вопросе подтверждают, в частности, и слова Д. Уилсона: "Весьма примечательно и важно, что этот вопрос [*о договорённостях с Францией*. – Прим. авт.]

²⁹ Gardiner N., McNamara S. The U.S. and U.K. Must Oppose French Plans to Weaken NATO // The Heritage Foundation. WebMemo. 2009. № 2285. February 10. P. 3. URL: http://www.s3.amazonaws.com/thf_media/2009/pdf/wm2285.pdf.

был одним из главных, которыми мы занимались при переходе власти к администрации Обамы. Это была одна из первых тем, которой мы начали заниматься совместно с генералом Дж. Джонсом"³⁰ (в декабре 2008 г. Б. Обама назвал его своим будущим помощником по вопросам национальной безопасности).

Официально позицию новой администрации ясно выразил вице-президент Дж. Байден в своей речи на конференции по вопросам безопасности в Мюнхене 7 февраля 2009 г. Он заявил о полной поддержке президентом Б. Обамой полномасштабного участия Франции в деятельности НАТО, добавив, что это "усилит роль европейцев в рамках альянса". Кроме того, по словам Дж. Байдена, Белый дом "полностью поддержал дальнейшее усиление европейской обороны, углублённую роль Европейского союза в деле защиты мира и безопасности, фундаментальное укрепление партнёрства НАТО и ЕС, а также более тесное сотрудничество с теми странами вне рамок Североатлантического альянса, которые разделяют наши общие цели и принципы"³¹.

В результате 4 апреля 2009 г. в ходе саммита НАТО в Страсбурге и Келе Франция объявила о своём полномасштабном возвращении в объединённую командную структуру альянса. В качестве условия для такого шага французская сторона потребовала предоставить своим военным ряд высоких должностей в этой структуре. В частности, французы получили две высшие генеральские должности (из семи, имеющих в командовании НАТО): командующего Союзным командованием по трансформации (Allied Command on Transformation) со штабом в Норфолке (штат Виргиния, США) и командующего Объединённым командованием в Лиссабоне (Joint Command Lisbon). Обе указанные должности до их передачи французским военным занимали американские генералы³².

Примечательно, что последняя структура отвечает помимо прочего за управление Силами быстрого реагирования НАТО (NATO Response Force). При их формировании в 2002 г. предполагалось, что в некотором смысле они должны составить натовскую альтернативу Еврокорпусу, который теоретически играет роль аналогичного соединения быстрого реагирования в рамках ЕПБО. Теперь командование этой "альтернативой" было поручено французскому генералу.

При этом Франция заявила, что сохранит самостоятельность в принятии решений об отправке французских военнослужащих для участия в боевых операциях и не будет передавать свои войска под управление

³⁰ France's Normalization with NATO. France-NATO Panel // Atlantic Council of the United States. 2009. June 30. URL: <http://www.acus.org/event/frances-normalization-nato/transcript>.

³¹ Remarks by Vice President Biden at 45th Munich Conference on Security Policy, Munich, Germany / The White House. Office of the Vice President. 2009. February 7. URL: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/remarks-vice-president-biden-45th-munich-conference-security-policy>.

³² *Belkin P.* France: Factors Shaping Foreign Policy, and Issues in U.S.-French Relations // Congressional Research Service. Report RL32464. Washington D.C., 2009. May 20. P. 12–13; *Michel L.* Sarkozy's Next Big Battle // Newsweek. 2009. February 23.

НАТО в мирное время, а также сохранит полный национальный контроль над своим ядерным арсеналом³³.

При вступлении Франции в объединённую командную структуру НАТО не было каких-либо сообщений о новых решениях по вопросу о развитии ЕПБО. Таким образом, хотя Н. Саркози увязывал эти два вопроса, и эта увязка нашла понимание у американской стороны, присоединение Франции не выглядело как сделка или обмен позиций. С другой стороны, как уже отмечалось выше, на тот момент, т.е. до вступления в силу Лиссабонского договора, европейским политикам было трудно и тактически нецелесообразно публично формулировать планы по созданию интегрированных оборонных структур ЕС³⁴. Поэтому следующим важным этапом в развитии трансатлантических отношений вокруг темы ЕПБО стало одобрение европейцами и вступление в силу Лиссабонского договора, что произошло 1 декабря 2009 г.

Весьма информативным для понимания подходов США к развитию ЕПБО и всему комплексу трансатлантических отношений в политической сфере являются материалы прошедших в палате представителей американского конгресса слушаний по теме "Лиссабонский договор: последствия для будущих отношений между Европейским союзом и Соединёнными Штатами". Слушания состоялись в подкомитете по делам Европы 15 декабря 2009 г., основным выступающим был помощник госсекретаря по делам Европы и Евразии Ф. Гордон. Он подробно изложил позицию администрации Обамы не только по вопросам отношений США и Европы в целом, но и по ЕПБО в частности. Для понимания позиции американского политического класса в этом плане несомненный интерес представляют также выступления на этих слушаниях ряда аналитиков и конгрессменов.

Так, их участники подняли вопрос о влиянии Лиссабонского договора на дальнейшее развитие трансатлантических отношений. В частности, лидер республиканцев в подкомитете по делам Европы Э. Гэллегли заявил: "В конечном счёте целью Лиссабонского договора является рационализация процесса принятия решений в ЕС и превращение его в более активного и сплочённого игрока в международных делах. У меня нет окончательной точки зрения относительно того, будет ли Договор выгодным для народов Европы". В то же время перед США, по мнению Э. Гэллегли, встают следующие вопросы: "Повредит ли каким-то образом ратификация Договора нашим близким двусторонним отношениям в военной и разведывательной сферах, которые мы поддерживаем с некоторыми европейскими странами? Не осложнит ли новый Договор для стран Европы сотрудничество с нами, особенно в регионах, подобных Афганистану?" Конгрессмен пояснил, что имеет в виду прежде всего те положения Договора, которые требуют от стран ЕС "перед тем, как предпринять международные акции, проводить консультации, чтобы

³³ Ghez J., Larrabee F. S. France and NATO // Survival. 2009. Vol. 51, № 2. April-May. P. 80–81.

³⁴ Ibid. P. 84.

подтвердить, что эти акции соответствуют политике ЕС³⁵. По его мнению, такая процедура даст возможность Евросоюзу блокировать некоторые действия Великобритании, которые она может предпринять в качестве ближайшего американского союзника.

Представитель демократов Д. Скотт поставил вопрос о соответствии обязательств по взаимной обороне союзников по НАТО (ст. 5 Вашингтонского договора) тем условиям Лиссабонского договора, согласно которым страны ЕС должны проводить консультации в случае нападения на одну из них³⁶.

Со своей стороны, Ф. Гордон в доступной форме рассказал о сути изменений, произошедших во внешнеполитическом сегменте аппарата Евросоюза в результате вступления Договора в силу: об учреждении поста постоянного президента Европейского совета, новой должности высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности, а также о создании новой Европейской службы внешних связей. По мнению Ф. Гордона, эти перемены "продолжат эволюцию Европейского союза к формированию более последовательной, понятной и эффективной внешней политики"³⁷.

Помощник госсекретаря также дал оценку тем изменениям, которые Лиссабонский договор привнес в сферу ЕПБО: "ЕС также продолжает двигаться в сторону реализации своих намерений играть такую же роль в дипломатии и обороне, какую он играет в торговле и экономике. Согласно Договору ЕПБО была переименована в Общую политику в сфере безопасности и обороны – ОПБО. Договор расширяет полномочия ЕС в сфере использования войск для урегулирования кризисов, миротворчества, поддержки третьих стран в деле борьбы с терроризмом на их территориях, а также в области координации оборонных усилий. Политика этой администрации [Б. Обамы. – Прим. авт.] заключается в поддержке усиления европейских оборонных возможностей. Мы считаем, что ОПБО может внести важный вклад в международную безопасность и стабильность... Вокруг имеется более чем достаточно работы, так что имеет смысл обеим организациям [ЕС и НАТО. – Прим. авт.] координировать свои усилия, чтобы максимально эффективно использовать имеющиеся ограниченные ресурсы путём минимизации дублирования сил и средств, инфраструктуры и операций"³⁸.

Эта фраза отражает существенное изменение американского подхода к европейской обороне. Ранее представители США, в частности ещё госсекретарь М. Олбрайт, настаивали на необходимости избегать не только указанного "дублирования", но отделения (*de-coupling*) европейского процесса принятия военно-политических решений от общенатовского³⁹.

³⁵ The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations Between the European Union and the United States // Hearing before the Subcommittee on Europe of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives, December 15, 2009 / United States House of Representatives. Committee on Foreign Affairs. Washington, 2010. P. 3–4. URL: http://www.foreignaffairs.house.gov/hearing_notice.asp?id=1141.

³⁶ Ibid. P. 7.

³⁷ Ibid. P. 11.

³⁸ Ibid. P. 12.

³⁹ Albright M. The Right Balance Will Secure NATO's Future // Financial Times. 1998. December 7.

Теперь же представители новой демократической администрации вели речь о том, что желательнее избегать лишь "дублирования". Что касается независимого европейского подхода к принятию внешнеполитических решений (а он теоретически может привести к тому, что усилия европейцев будут направлены не на те цели, которые Вашингтон счёл бы оптимальными), то здесь подход администрации Обамы Ф. Гордон выразил словами о большом количестве "работы вокруг". Это означало, что США были бы рады, если бы ЕС взял на себя ответственность хотя бы за часть тех проблем, которые в Белом доме считали важными для трансатлантического сообщества. При этом американская администрация готова была оставить на усмотрение европейцев вопрос о том, какие именно проблемы они будут решать и в какой последовательности.

Это понимание международного положения США отражает и следующее высказывание Ф. Гордона: "Всем нам очевидно, что Соединённые Штаты сталкиваются с пугающей массой глобальных проблем, которые ни одна страна не способна решить самостоятельно. Решение целого ряда критически важных вопросов... потребует работы в тесном сотрудничестве с нашими европейскими партнёрами"⁴⁰.

Рассуждая о последствиях изменений во внешнеполитическом сегменте ЕС, Ф. Гордон отметил, что "теоретически, хотя это ещё не проверено на практике... теперь будет более понятно, кто выступает от имени европейцев по вопросам внешней политики". В то же время в техническом плане процесс политического взаимодействия с ЕС "останется довольно запутанным"⁴¹.

Кроме того, весьма важно, по его мнению, что формирование "более последовательной внешней политики и назначение людей, ответственных за эту политику, поможет европейцам мыслить более стратегически и расширить свой кругозор..." Это, в свою очередь, "усилит роль Европы на мировой арене и тем самым сделает трансатлантические отношения более сбалансированными, когда речь идёт о решении упомянутых крупных внешнеполитических проблем"⁴².

Эта оценка Ф. Гордона отражает сложившееся в среде американских дипломатов и аналитиков мнение, что одной из главных проблем взаимодействия США и Европы на мировой арене является отсутствие у стран Евросоюза глобального видения происходящих в мире событий и долгосрочной стратегии своих действий. В результате европейцы довольно сдержанно реагируют на попытки США проявить свою руководящую роль в евроатлантическом сообществе, но сами при этом не имеют ясного представления о том, какая стратегия целесообразна. Упомянувшийся выше аналитик Госдепартамента Д. Армитадж охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: "Возможно, самая большая проблема Европы заключается в недостатке стратегического видения, т.е. консенсуса среди стран – членов ЕС относительно того, что конкретно является целью ЕПБО. У ЕС слишком много руководителей, но не хватает твёрдого руководства... Проблема внешней политики ЕС состоит в её идеализме.

⁴⁰ The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations... Op. cit. P. 12.

⁴¹ Ibid. P. 20.

⁴² Ibid. P. 21.

Идея, что Европа должна руководствоваться альтруизмом, а не национальными интересами, привела к тому, что её участие в крупных внешнеполитических мероприятиях является символическим, без какой-либо твёрдой нацеленности на достижение поставленных целей. В результате ЕС в большей степени движим желанием изобразить, что он что-то делает, а не реальным стремлением к могуществу"⁴³.

Как видно, помощник госсекретаря Ф. Гордон довольно оптимистически оценивает способность Лиссабонского договора положительно повлиять на эту особенность европейского внешнеполитического мышления.

В ходе слушаний Ф. Гордон изложил и мнение администрации о возможных проблемах, которые могут возникнуть в отношениях США с НАТО и ЕС: "Вопрос отношений между этими двумя организациями имеет весьма давнюю историю. В прошлом Соединённые Штаты, включая администрацию Клинтона, в которой я работал, были очень обеспокоены их потенциалом конкуренции и дублирования. И эти сомнения продолжают существовать... Но мы уверены в том, что наши интересы в достаточной степени согласованы... чтобы мы могли избежать такого ненужного дублирования. И, по сути, мы считаем выгодным для себя, если ЕС будет играть более существенную роль в мировой политике... Не стоит беспокоиться, что ЕС каким-то образом собирается использовать военную силу в тех местах, где мы бы этого не хотели, намного более вероятно, что они помогут в стабилизации той или иной ситуации, для вмешательства в которую у нас не будет достаточно ресурсов или политической воли"⁴⁴. Д. Армитадж выразил примерно ту же мысль в более короткой и саркастической форме: "США больше беспокоит не то, что европейцы пойдут своим путём, а то, что они вообще никуда не пойдут"⁴⁵.

В целом позицию сторонников более позитивного подхода США к ОПБО, которые в настоящий момент приобрели решающее влияние в американском внешнеполитическом сообществе, можно резюмировать прозвучавшими на слушаниях словами аналитика К. Дорнфрид, вице-президента Фонда Маршалла "Германия – США", которая заявила: "В этой столице [*Вашингтоне*. – Прим. авт.] есть надежда, что Евросоюз теперь будет обращать внимание и за пределы Европы и результативно использует свои более эффективные управленческие структуры, чтобы помочь Соединённым Штатам справиться с тем множеством глобальных проблем, с которыми мы сталкиваемся"⁴⁶.

В феврале 2010 г. позицию США ещё раз подтвердила госсекретарь Х. Клинтон, которая заявила: "В прошлом у Соединённых Штатов были сомнения относительно того, должна ли НАТО вступать в сотрудничество по вопросам безопасности с ЕС. Итак, теперь это время пришло. Мы не рассматриваем ЕС в качестве конкурента НАТО, напротив, мы воспринимаем Европу как важнейшего партнёра НАТО и США. Мы надеемся, что принятие Лиссабонского договора поможет нам в развитии этих отношений. И мы также рассчитываем работать совместно

⁴³ *Armitage D. Op. cit. P. 13–14.*

⁴⁴ *The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations... P. 22.*

⁴⁵ *Armitage D. Op. cit. P. 10.*

⁴⁶ *The Lisbon Treaty: Implications for Future Relations... P. 31.*

с ЕС по мере того, как он будет развивать свою ОПБО, чтобы определить, как лучше мы можем поддерживать друг друга и ООН в решении проблем безопасности"⁴⁷.

* *
*

В целом можно сделать вывод, что изменение позиции США в отношении европейской оборонной интеграции носит совершенно объективный характер.

Во-первых, об этом свидетельствует полная преемственность в подходах к данному вопросу администрации Буша в последние годы её правления и администрации Обамы, хотя, как известно, республиканцы и демократы имеют весьма разные мнения по целому ряду других международных тем.

Во-вторых, пассивность самих европейцев в деле развития ЕПБО создала у американских политиков чёткое впечатление, что амбиции в военно-политической сфере у ЕС весьма ограниченные. Причём в США пришли к выводу, что эта ограниченность для американских интересов даже вредна. Ведь, учитывая существенную схожесть (по сравнению с другими мировыми центрами силы) подходов Соединённых Штатов и их европейских союзников к основным международным проблемам, Вашингтон мог бы рассчитывать на более существенную помощь европейцев в реализации своих внешнеполитических задач.

Наконец, ещё одним важнейшим фактором стало осложняющееся положение самих Соединённых Штатов, о чём американские представители заявляют довольно откровенно. В этом контексте изменение подходов Вашингтона к ЕПБО по своей природе сродни позитивным переменам, произошедшим в американской политике на российском направлении. В США вполне осознают, что обилие проблем, с которыми сталкивается их страна, не оставляет американскому руководству иного выбора, кроме как постараться добиться поддержки или хотя бы благожелательного нейтралитета со стороны тех мировых центров силы, от которых этого можно в принципе ожидать.

При анализе описанных тенденций на теоретическом уровне представляется обоснованным подход США к ЕПБО, предложенный аналитиком американской исследовательской корпорации РЭНД К. Чиввисом: "В стратегической обстановке после "холодной войны" Соединённые Штаты и Европа имеют много общих интересов, однако не все эти интересы важны для обеих сторон в одинаковой степени. При отсутствии доминирующей угрозы, которую раньше представлял Советский Союз, проблемы безопасности в новый период всегда будут казаться более насущными на одной стороне Атлантики, чем на другой... Тем самым становилась очевидной необходимость формирования европейских

⁴⁷ Hillary Rodham Clinton, Secretary of State. Remarks at the NATO Strategic Concept Seminar. Ritz-Carlton Hotel, Washington, February 22, 2010. URL: <http://www.state.gov/secretary/rm/2010/02/137118.htm>.

возможностей для реагирования на некоторые угрозы без опоры на Соединённые Штаты"⁴⁸.

Далее К. Чиввис противопоставляет свой подход позиции сторонников теории структурного реализма в международных отношениях, которые объясняют возникновение ЕПБО тем, что США, упрощённо говоря, остались единственной сверхдержавой в мире, и государства "второго эшелона" в международной иерархии естественным путём стремятся "сбалансировать", создать противовес этому чрезмерно выделяющемуся центру силы⁴⁹.

К. Чиввис согласен с тем, что "ЕПБО стала результатом структурных изменений в мировой политической системе после "холодной войны". Но из этого не обязательно следует, что ЕПБО была нацелена на создание противовеса США или любой другой державе в данном контексте. Скорее целью было обеспечить гибкость в более изменчивом мире, где США и Европа не всегда абсолютно одинаково оценивали обстановку". К. Чиввис не считает, что ЕПБО нужна лишь для того, чтобы придать военно-политическую значимость Евросоюзу. Главным мотивом является "необходимость создать инструмент, который позволит европейским государствам реагировать на те проблемы безопасности, которые более остро или просто по-другому затрагивают их интересы по сравнению с интересами США"⁵⁰.

Как нам кажется, сформулированная К. Чиввисом позиция представляет интерес для теоретического понимания текущих трансатлантических процессов вокруг ЕПБО, их постепенной эволюции от сравнительно жёсткой дискуссии к практически полному согласию по данному вопросу.

Ключевые слова: *США – Европейский союз – НАТО – ЕПБО – трансатлантические отношения – Афганистан.*

Keywords: *USA – European Union – NATO – ESDP – transatlantic relations – Afghanistan.*

---

⁴⁸ *Chivvis Ch. S.* Birthing Athena. The Uncertain Future of European Security and Defense Policy (ESDP) // Focus stratégique. 2008. № 5. March. P. 10. URL: http://www.ifri.org/downloads/Focus_strategique_5_Chivvis_PESD.pdf.

⁴⁹ Подробнее об этом см., например: *Posen B. R.* European Union Security and Defense Policy: Response to Unipolarity? // Security Studies. 2006. № 2. April-June. P. 149–186.

⁵⁰ *Chivvis Ch. S.* Op. cit. P. 11.